

**О ХОДѢ ОБРАЗОВАНІЯ ВЪ РОССІИ И ОБЪ УЧАСТІИ,
КАКОЕ ДОЛЖНА ПРИНИМАТЬ ВЪ НЕМЪ ФИЛОСОФІЯ,**

РѢЧЬ,

ПРОИЗНЕСЕННАЯ ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ С.
ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА, ОРДИНАРНЫМЪ
ПРОФЕССОРОМЪ ФИЛОСОФІИ, А. ФИШЕРОМЪ, 20
СЕНТЯБРЯ 1834 ГОДА.

(Переводъ съ Французскаго).

Россія — эпо единственное по многимъ другимъ отношеніямъ Государство—представляешъ въ ходѣ образованія своего одно изъ нѣхъ рѣзкихъ, характеристическихкихъ опличій, копорыя дѣлаюшъ Физіономію ея споль оригинальною, и копорыхъ щещно спали бы мы искашъ въ Исторіи вѣковъ минувшихъ или въ наспоющемъ бытіи народовъ современныхъ. Дѣйствительнo, тогда какъ въ другихъ спранахъ сѣмена образованія, возникшія самодѣйствительнo, опъ причинъ разнообразныхъ, и развивавшіяся часпо вдругъ на многихъ пунктахъ съ весьма различныхъ споропъ, по большей часпи спребуошъ опъ Правительспва сполько оприцательныхъ пособій — покровительспва и защипы проптивъ безсмысленныхъ нападений невѣжества и грубоспи, — у насъ напроптивъ Правительспва само предносипъ подданнымъ свѣспильникъ обра-

зованія, и въ теченіе уже цѣлаго вѣка дѣлаеть успѣхи его предметомъ отеческихъ попеченій своихъ. Если у другихъ народовъ просвѣщеніе; исходя изъ среды ихъ, идееть, по центроспрямительному движенію, къ Правительству, и отражается въ немъ, какъ въ общемъ Фокусѣ: у насъ мудрый Монархъ, окруженный знаменитѣйшими мужами, Русскими по сердцу и Европейцами по обширности своихъ познаній, представляется въ величественномъ образѣ, какъ умственное солнце, которое, стоя выше управляемой имъ системы, устремляетъ къ однимъ и тѣмъ же идеямъ пятьдесятъ милліоновъ умовъ, озаряетъ своими лучами и оживляетъ своею жизнію все, что подчинено закону его приращенія.

Не удивительно, что планъ образованія, столь необыкновенный по своей новосте, столь противоположный всему доподъ видѣнному, открылъ обширное поле размышленія, крикамъ и даже укоризнамъ относительно Правительства, дерзнувшаго возымѣть и опважившагося привести его въ исполненіе. Успѣхъ этого предпріянія казался столь ненадежнымъ, что Писатель, извѣстный по скромности и умѣренности своихъ сужденій, не болѣе какъ за 25 лѣтъ предъ симъ сказалъ: «ПЕТРЪ I возвращалъ плоды въ оранжерею, и думалъ, что усваиваетъ ихъ спранъ своей: или лучше — привязалъ чужеземные плоды къ деревьямъ, не могущимъ производить ихъ, и, какъ справедливо замѣчено, поставилъ пирамиду на острѣ» (*).

(*) Английскій, *Essai sur la philosophie de l'histoire*, 1809. Второе изданіе, Т. IV. стр. 120. Парижъ, 1852.

Нынѣ, когда политическое величіе Россіи съ одной стороны не можеть не возбуждать зависти сильнѣе прежней, а съ другой служить самымъ неопровержимымъ доказательствомъ возрастающихъ успѣховъ ея системы образованія, — нынѣ, говорю, надобно было придумать тактику, нѣсколько отличную отъ прежней, чтобъ умалили достоинство ихъ неусыпныхъ попеченій, копорыя Правительство Русское безпрестанно прилагаетъ къ просвѣщенію своего народа. И вопъ мы видимъ людей, копорые — въ ослѣпленіи ложно понимаемаго патриотизма, думая, что иначе не могутъ спасти своей народной славы, какъ только порицая все великое, все необыкновенное въ судьбахъ другаго народа, и чувствуя себя не въ состояніи заславить, какъ прежде, сомнѣваясь въ успѣхѣ споль пруднаго подвига — спараются, по крайней мѣрѣ, увѣрить другихъ, что это образованіе расчислено и употребляется въ пользу однимъ Правительствомъ, а народъ принимаетъ его съ отвращеніемъ. «Россію» — говорятъ они — «попятъ Европейскимъ образованіемъ» (*).

Не хочу присвоивать себя обязанности опровергать эти злонамѣренныя выходки, хоня и имѣю на своей сторонѣ преимущество, какое доставляетъ истина передъ ложью. Впрочемъ Правительство подобное Русскому, внутренне убѣжденное въ томъ, что имѣетъ въ виду единственно благо своего народа и поддерживаемое признапель-

(*) Леринтъе, De l'influence de la philosophie du XVIII siècle sur la législation et la sociabilité du XIX-me. Парижъ, 1833. стр. 177.

поспѣю, любовію и преданностію подданныхъ, не нуждаешся въ похвалахъ, хопя бы и самыхъ краснорѣчивыхъ: слово безмолвно памъ, гдѣ говорятъ дѣла. Къ чести нашего Правительсва, оно въ своемъ покойномъ, величественномъ шествіи пренебрегаетъ нелѣпыми клеветами эгихъ писателей и говоритъ имъ въ отвѣтъ: придите въ Россію, взгляните и судите. Если же, въ этой Рѣчи, я и возвращаюсь къ предшествовавшимъ событіямъ, давшимъ жизнь нынѣшнему образованію великой Имперіи; если не могу удержаться, чпобъ не опвергаю нѣкоторыхъ ненавистныхъ разсужденій, утверждая, чпо распротраняемое Правительствомъ просвѣщеніе пріемлется народомъ не только безъ отвращенія, но съ охотою и рвеніемъ: то нисколько не думаю оправдывать, чпо, по убѣденію моему вовсе не имѣетъ нужды въ оправданіи. — Главная цѣль моя — доказать, чпо въ системѣ образованія, кпорому слѣдуетъ Правительсво, изученіе Философіи не соспавляетъ, какъ думаютъ нѣкоторые, занятія пустого и безплоднаго; чпо участіе, кпорое должна принимать эта Наука въ будущихъ успѣхахъ просвѣщенія, чрезвычайно важно, и чпо это мощное пріпженіе, кпорое Правительсво оказываетъ даже на философскія идеи, не только не препятствуетъ надлежащему ходу ума человеческого, но напротивъ служило благотворныхъ щипомъ, предохраняющимъ насъ отъ гибельныхъ слѣдствій лжеобразованія — этого чудовищнаго порожденія нашего вѣка, кпорое, подобно нравственной язвѣ, заражаетъ и повреждаетъ болѣе и болѣе общественное тѣло дряхляющей Европы.

Народъ Русскій, умный и трудолюбивый, по тѣснымъ связямъ своимъ съ Греческою Имперіею въ дѣлахъ религіозныхъ, казалось, преимущественно назначенъ былъ сдѣлаться хранилищемъ Византійскаго просвѣщенія — слабыхъ оспапковъ, спасшихся отъ наводненія варварскихъ вѣковъ, но еще скрывавшихъ въ себѣ плодотворныя сѣмена новаго образованія. При всемъ томъ непоспѣжимыя судьбы Провидѣнія не дали Россіи счастья — содѣйствовать успѣвшему возрожденію новѣйшей Европы. Изнемогшій отъ губельнаго разъединенія, народъ Русскій преклонился передъ окровавленнымъ мечемъ Тапарина, и слишкомъ двухвѣковое рабство совершенно уподобило бы его дикому его владѣтелю, если бы Христіанская Вѣра — эпопъ (да позволено мнѣ будетъ назвать мірскимъ именемъ истинный даръ Небесъ), эпопъ Палладіумъ человеческого рода, къ коему единственно сохранилось уваженіе въ погдашнія времена бѣдспвій, — могла допустить его до подобнаго униженія. Россія возспала, спряхнула съ себя варварское иго, дышетъ свободно; однако народъ ея, упрежденный Западною Европою, долженъ былъ сожалѣть не объ однихъ успѣхахъ образованія, которые могъ бы свершить въ два вѣка: онъ огрубѣлъ отъ продолжительнаго своего рабства; ему надобны были еще два другіе вѣка, чтобы залечить глубокія раны Опечесства и поддерживать политическое бытіе свое, поспрясенное внутри хищничествомъ и безначаліемъ, и угрожаемые извнѣ оружіемъ враговъ алчныхъ.

Явился наконецъ исполинскій Геній, возродилецъ или лучше создатель новой Россіи, который

объемля великимъ умомъ высокую судьбу своей Имперіи, предпринялъ дѣло, которое цѣлый міръ погрузило въ нѣмое удивленіе. Какое главнѣйшее намѣреніе этого Монарха, котораго весь образованный свѣтъ почтительнымъ именемъ Великаго, а признательные подданные нарекутъ именемъ болѣе сладостнымъ, именемъ Олнца Олпечества; какое дѣло возлагаетъ на себя ПЕТРЪ I, чтобы утвердить навсегда будущность Россіи, если слабыя силы человѣческія могутъ присвоить себѣ то, что принадлежитъ единому Провидѣнію? Довольствуется ли Онъ тѣмъ, что защищаетъ ее своею мощною рукою, дѣлаетъ ее спрашною врагамъ, оподвигаетъ побѣдами своими обнаженныя ея границы и поспавляетъ ей спражами море и рѣки, которыми повелѣваетъ бытъ ея границами? Многочисленное войско, Имъ самимъ обученное, и флоты, коими покрываетъ моря, почтываетъ ли Онъ доспапочнымъ ручательствомъ въ будущей судьбѣ Россіи? Или ограничивается Онъ тѣмъ, что даетъ ей новую организацію, возвращаетъ законамъ должное уваженіе и наблюдаетъ за государспвеннымъ управленіемъ, коего заспарѣлыя злоупотребленія непрерывно раздираютъ сердце народа?

Дѣйствительно, еслибъ ПЕТРЪ I ограничился только тѣмъ, что сказано, царспвованіе Его все еще заняло бы одну изъ лучшихъ страницъ Исторіи. Но проницательный, геніальный взоръ Его, не останавливавшійся, подобно очамъ обыкновеннымъ, только на поверхности настолцата, а погружавшійся въ бездны грядущаго, скоро предусмотрѣлъ, какъ недоспапочны и непрочны будутъ всѣ великія и

прекрасныя Его учрежденія, если народъ будетъ по прежнему коснѣть въ невѣжествѣ. Онъ всеобъемлющимъ умомъ своимъ скоро позналъ, что военная сила, хопябъ самая грозная, не поддерживаемая успѣхами просвѣщенія, не только не даетъ народу прочнаго перевѣса надъ другими, но даже не доспавляетъ и независимости отъ сосѣднихъ народовъ, превосходящихъ его въ этомъ отношеніи. Взглянувъ на нынѣшнюю Турецкую Имперію — Государство въ высшей степени воинственное, бывшее некогда ужасомъ Европы, но оспановившееся неподвижно въ своемъ образованіи, и теперь только великодушію Побѣдителя обязанное тѣмъ слабымъ дыханіемъ жизни, которое сохранило еще — мы вполне можемъ понять, какъ основательны были опасенія, которые могъ имѣть ПЕТРЪ I относительно прочности колоссальной своей Имперіи; и это зрѣлище лучше всѣхъ длинныхъ разсужденій можетъ изяснить намъ то чрезвычайное неперпѣніе и горячность, съ какими великій Монархъ заспавлялъ народъ свой перешагнуть черезъ бездну, отдѣляющую его отъ образованной Европы.

Но оставимъ въ споронѣ всѣ политическія соображенія и побудительныя причины этого рода, могущія заспавить безсмертнаго Преобразователя предиринять возрожденіе своего народа. Довольно сказать, что ПЕТРЪ Великій, будучи человекомъ въ высшемъ, благороднѣйшемъ значеніи этого слова, старалъ самъ неушолимою жаждою совершенствованія и постигалъ неопразимую силу закона пруссійанія, который самимъ Творцемъ вдохнуть въ существо наше, способное къ безпредѣльному

улучшенію — «закона, который вѣчно будетъ необходимымъ условіемъ нашего общесвеннаго бытія» (*). Руководимый эпою великою, плодотворною идеею, и проникнумый высокимъ призваніемъ своимъ — управилъ, въ качествѣ Монарха, будущія судьбы безчисленнаго народа, Онъ могучею десницею двинулъ его по пути образованія, зная, что кромѣ успѣховъ просвѣщенія и добродѣтели нѣтъ иного надежнаго ручательства, которому можно было бы вѣрить безопасность его и благоденствіе.

И вопль Россія сдѣлалась ученицею просвѣщенной Европы, ученицею понятливою и прилежною. Ея неимовѣрные успѣхи, почиаемые въ цѣлой Европѣ исполинскими шагами, понинѣ приводятъ свѣтъ въ изумленіе, и непременно привлекли бы справедливыя дани всеобщаго удивленія мудрому ея Правительству, еслибъ политическая зависнь, спарающая оснанавливать быспрый ходъ ея, не вмѣняла ему въ прѣступленіе мѣръ самыхъ благотворныхъ. Ибо неоспоримое достоинство и вѣчную славу Монарховъ Русскихъ сославляютъ то, что они не только покровительствовали и поощряли образованіе, подобно всякому благонамѣренному Правительству, но совершенно во всѣхъ частяхъ создавали его, и никогда не рѣшались прѣдоставлять народное просвѣщеніе слѣпому случаю, произволу, безпечности и злонамѣренности, столь опаснымъ для всякаго народа вообще, и преимущественно для народа Русскаго въ первыя времена его развитія.

(*) Notice sur Goethe, стр. 1, соч. С. С. Уварова.

Такимъ образомъ, держа твердою рукою всѣ безчисленныя нити эпохи шкани, искусно распростиранной по неизмѣримой поверхности, Правительство учреждало и безостановочно ускоряло великое дѣло образованія. Правда, что оно исполняло свое предпріятіе по съ большимъ, по съ меньшимъ искусствомъ и ревностию; но однажды пушпвшись по пути успѣховъ, оно не совращалось уже съ него болѣе, даже во времена самыя критическія. Не нужно Русскимъ слушателямъ вычислять всѣхъ успѣховъ, вѣнчавшихъ неупомимыя спаранія Правительства: на каждомъ шагѣ мы встрѣчаемъ памятники, коихъ краснорѣчивый голосъ передастъ опдаленнымъ попомкамъ славу вѣка, соорудившаго ихъ. Дѣйствительно, обращая взоры вокругъ себя, и безпрестанно находя поводъ повспорять: эпо учреждение свидѣльствуетъ о выпренинемъ геніи ПЕТРА I; эпо увѣковѣчиваетъ славную память ЕКАТЕРИНЫ II; эпо—плодъ благопвореній, коими обязаны мы великодушію ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА — Ангела-Хранипеля Россіи; эпо заведеніе одно изъ безчисленныхъ доказательствъ опеческой попечительности Августѣйшаго Монарха; нынѣ царствующаго, — мы едва не спанемъ вѣрить, что Россіи какъ бы почти не было до ПЕТРА ВЕЛИКАГО: такъ время, предшествовавшее Ему, кажется намъ опдаленнымъ; такъ воспоминаніе о Немъ заспилается блескомъ и великолѣпиемъ карпины, копорую представляеть внутреннее развитіе Россіи въ послѣднія времена.

Но умолчимъ о великихъ предпріятіяхъ, имѣв-

шихъ цѣлю пользу общественную, о безчисленныхъ заведеніяхъ и учрежденіяхъ клопящихся непосредственно къ вещеспвенному благосостоянію подданныхъ; успримимъ взоры на фокусъ гражданскаго образованія, на просвѣщеніе народное, на занятіе Науками и Словесностію, на воспитаніе юношества.

Не обинуясь скажу, что до конца XVIII столѣтія Россія въ отношеніи просвѣщенія народнаго представляла обширную пустыню, надъ которою тяготѣли густыя мраки мершвой, безмолвной ночи, и на которой кое-гдѣ Духовныя Училища были единспвенными свѣплыми пунктами. Благодаря попеченіямъ нашихъ Монарховъ, въ одинъ только вѣкъ съ того времени, изъ среды этого мрака, возникли Учрежденія и Заведенія, коими справедливо могли бы гордиться самыя образованныя страны. Не говоря о многихъ отличнѣйшихъ Учрежденіяхъ, имѣющихъ какую либо цѣль исключительную, ограничусь указаніемъ на Академію Наукъ, которая между Членами своими считаетъ Ученыхъ съ Европейскою славою; на 6 Университетовъ, коихъ курсы пополняются болѣе и болѣе, и къ коимъ щедропами ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ присоединенъ недавно еще Университетъ Св. Владиміра; на Главный Педагогическій Институтъ, который, по всей справедливости, можетъ быть почитаемъ важнѣйшимъ разсадникомъ, гдѣ ученіе глубокое и строгое направлено къ образованію юношества, долженствующаго со временемъ преподавать Науки и Искусства; на Гимназій съ находящимися при нихъ Благородными Пансіонами, распределенныя по всѣмъ Гу-

берніямъ обширной Имперіи, и хопя не въ той степенн распротраняющія свѣсть знаній, но благотворныя по своему вліянію, которое шѣмъ живѣе будешъ ощущаемо, чѣмъ болѣе онѣ опдалены отъ сполнцъ и Университетовъ; наконецъ на Первоначальныя Школы, коихъ число, уже весьма значительное, съ каждымъ днемъ увеличивается болѣе и болѣе.

Если бы какой нибудь не совсѣмъ справедливый судія возразилъ, что многія изъ исчисленныхъ нами Заведеній предспавляютъ только первоначальный очеркъ и не могутъ быть поставлены на одну линію съ подобными Заведеніями въ Германіи, Франціи и Англіи, мы отвѣчали бы, что Россія охотно успунаешъ это первенствѣ старшимъ сестрамъ своимъ, открыто признаешъ себя ихъ ученицею и всегда готова принимать съ благодарностію истинное просвѣщеніе, ей сообщаемое, не смотря на то, какииъ путемъ оно доходитъ къ ней. Но въ вопросѣ, рѣшеніе коего проспирасія въ безконечность, въ вопросѣ образованія народнаго, гдѣ дѣло идетъ о болышей или меньшей приближенности, и гдѣ всякое едѣланное усовершенствованіе естъ опносительное, существенный пунктъ заключается не въ степенн образованія, до коей народъ доешитъ въ извѣстное время, но преимущественно въ силѣ правильного движенія, влекущей народъ по пути успѣховъ; въ согласіи всѣхъ дѣятельныхъ началъ, предназначенныхъ имѣть вліяніе на духъ его; въ благопріятности внутрешнаго положенія, обезпечивающаго ему продолжительное существованіе безъ потрясеній и бурныхъ перерывовъ. При такихъ данныхъ время довершаетъ остальное.

Будущность, открывающаяся для Россіи во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, несравненно ушѣнительнѣе будущности многихъ другихъ народовъ, копорые, хопя и предводительствоуютъ нынѣ образованіе, но, утративъ единство побудительныхъ причинъ, волнуемые продолжительными судорожными движеніями, и мучась болѣзненнымъ вопричнымъ зачатіемъ образованности, внушаютъ справедливое опасеніе, что они весьма далеко отклонились отъ возвышеннѣйшей точки образованія, копорой по пеперешнимъ формамъ своего бытія могли бы достигнуть.

Если неоспоримо, что нѣтъ началъ, коихъ сосредоточенное дѣйствіе оказывало бы такое могущество на судьбы народовъ, какъ Религія и Законодательство, то должно сознаться, что Россія не могла утвердить народное просвѣщеніе свое на основаніяхъ, копорыя были бы прочнѣе этихъ двухъ началъ внутренне соединенныхъ и, такъ сказать, пожественныхъ между собою. Впрочемъ, какъ бы ни были они сильны, существенное могущество ихъ всегда опирается на дѣятельной помощи преняго—воспитанія. Воспитаніе, собственно говоря, есть по живительное начало, безъ коего направленія Вѣры и законы общественные оспаются мертвыми формулами, не имѣющими никакой власти надъ сердцемъ и нравами народа. Заставивъ эту силу содѣйствовать осуществленію высокихъ намѣреній, основанныхъ на Вѣрѣ и законахъ Государственныхъ, было всегда одною изъ священнѣйшихъ обязанностей Русскаго Правительсва. Но здѣсь—по преимущественно и обнаружилась неудобства, соеди-

ненныя съ системою просвѣщенія, копорую по обстоятельству должны были принять Возрожденіи Россіи. Такъ какъ образованіе должно происходить изъ высшихъ сословій, какъ общаго средоточія, и постепенно распространяться во всѣ классы общества, то воспитаніе юношества, по неимѣнію Русскихъ наставниковъ, весьма долго должно было повѣряться иностранцамъ, и тѣмъ прудіе было наблюдать и руководить его, что оно было почти совершенно домашнее и долженствовало быть такимъ по неимѣнію публичныхъ Заведеній, копорыя могли бы внушить довѣріе своею просвѣщенностію и хорошимъ успроисловомъ.

Очевидно, сколько духъ народный подвергался опъ этого опасности управленія своею деспотиію, и какъ часто правила, внушаемыя Русскому юношеству, могли не согласоваться ни съ Религіею, имъ исповѣдаемою, ни съ политическими постановленіями Отечества, коихъ опорою оно долженствовало быть со временемъ. Справедливо сказано, что по образованію Русскіе должны были сперва германизованы, а потомъ офранцужены. Для успраченія этого важнаго неудобства Правительствомъ употреблено всѣ усилія, чтобы успроить, умножить и улучшить публичныя Заведенія, предназначаемыя для народнаго воспитанія, и безъ малѣйшаго преувеличенія можно сказать, что нѣтъ въ мірѣ Правительствъ, копорое бы такъ облегчало родителямъ пятоспную заботу о воспитаніи дѣтей ихъ.

Однакожь въ высшихъ и богатыхъ классахъ народа частное воспитаніе держится и всегда бу-

депъ держашься въ правахъ своихъ ; руководимое благоразуміемъ , оно украсилъ общественыя добродѣтели всеми прелестными добродѣтелей домашнихъ. Оспавалось рѣшилъ великую задачу : написалъ народнымъ духомъ это часпное воспитаніе, коему ввѣрено почти все Русское юношество высшаго класса, и наблюдать за нимъ сполько, сколько дозволяетъ его опдѣльность, чпобы такимъ образомъ направилъ его къ великой цѣли развитія общеспвеннаго , основаннаго на Религии и законахъ опечеспвенныхъ. Высокая мудрость Императора Н и к о л а я достигла всю важность великой задачи водворенія согласія между воспитаніемъ часпнымъ и публичнымъ , и ввѣрила рѣшеніе ея государспвеннымъ дарованіемъ Министра, коего уму и рѣдкимъ достоинствамъ мы нынѣ удивляемся. Слѣдспвіемъ этого былъ законъ безпримѣрный въ лѣпописяхъ гражданскаго образованія. Сей законъ , предспавляющій домашнимъ Учительямъ довольно значительныя гражданскія права, будетъ содѣйспвовать къ возвышенію ихъ званія , слишкомъ мало уважаемаго доннѣ въ общеспвенномъ мнѣніи , и сдѣлаетъ его званіемъ почпненнымъ, котораго охотно будутъ искать природныя Русскіе. Онъ еспъ громкое доказательство того высокаго мнѣнія, какое имѣетъ Правительство о воспитаніи юношества , и убѣдительное воззваніе ко всемъ просвѣщеннымъ родителямъ , коихъ приглашаетъ оно помогать своими усилиями благимъ его намѣреніямъ : онъ непременно произведетъ благое нравспвенное вліяніе на почпненный классъ гражданъ, которые, обладая всеми

требуемыми качествами, посвящаятъ себя воспитанію юношества, ибо включишь ихъ въ категорию Государственныхъ Чиновниковъ и подчинишь ихъ дѣйствію надзору властей общественныхъ. Возвышенный въ собственныхъ глазахъ своихъ, Домашній Наставникъ не согласится уже ни на какое безчестное дѣло, которое унизило бы его въ мнѣніи другаго, — и чистота нравовъ, имѣющая столь сильное вліяніе на успѣхи воспитанія, будетъ теперь спасаема чаще прежняго. Почетное мѣсто, которое занимаетъ онъ въ обществѣ, и которое долженъ почтительно возмездіемъ за возложенныя на него обязанности; самая одежда, имъ носимая, должны безпрестанно напоминать ему по священное обязательство, которое онъ заключилъ съ Правительствомъ, именно: исполнять свою должность его именемъ и по плану, имъ начертанному. Надежда увидѣть нѣкогда безпомощную старость свою защищеною отъ бѣдности, и мысль о томъ, что Правительствомъ, признательное къ его заслугамъ, приметъ сиротъ, оставленныхъ имъ по смерти, заставлятъ его съ большимъ спокойствіемъ предаваться важнымъ обязанностямъ настоящего, и ему будетъ гораздо меньше нужды домогаться благосклонности ослѣпленныхъ, безразсудныхъ родителей и дѣлаться ихъ участникомъ, пресупруно снисходя къ порокамъ и недостаткамъ дѣтей ихъ. Скажемъ въ нѣсколькихъ словахъ свое мнѣніе: эта Правительственная мѣра не только можетъ внушить благородную гордость во всякаго добраго патриота, но должна доставить живѣйшее удовольствіе всякому другу человѣчества и образованія, и преимущественно тому, кто, по-

добно мнѣ, исполнявъ прудную должность наставника, извѣдалъ всю тяжесть ея, равно какъ и всѣ заботы, всѣ непріятности, коимъ подвергается человѣкъ, рѣшившійся добросовѣстно исполнять возложенную на него обязанность.

Съ той минуты, какъ воспитаніе начнешь болѣе и болѣе согласоваться съ двумя другими великими пружинами общественной жизни, я не вижу для Россіи ничего, могущаго нарушить гармонію самоспоятельнаго ея развитія. Если въ силѣ Правительсва заключается источникъ всякаго общественнаго благосостоянія, то Россія опносительно будущности своей можетъ имѣть самыя лестныя надежды: ибо Правительсво ея дѣйствительно обладаетъ существенною силою, которая зависитъ не только отъ преданности безчисленнаго народа, но въ особенности отъ обширности его просвѣщенія. Оно господствуетъ надъ системою, копорой постоянно слѣдуешь, — господствуетъ, ибо точка зрѣнія его вѣ и выше этой системы, — постоянно слѣдуетъ ей, потому что, зная всѣ другія системы, дѣйствуетъ съ твердымъ убѣжденіемъ, что принятая ею единственно можетъ сохранить общественную безопасность и благосостояніе Государства. Будемъ надѣяться, что эта просвѣщенная сила, умѣвшая создать образованіе и управить ходъ его мимо столь многихъ опасностей, сохранитъ и навсегда это сокровище отъ всякой ложной примѣси, и грядущимъ поколѣніямъ передастъ его, обогащенное тѣми приращеніями, копорыя доставаются ему трудами нашими.

Сдѣланный теперь мною быспрый очеркъ начала хода и духа образованія въ Россіи будетъ основаніемъ, на которомъ постараюсь утвердить рѣшеніе вопроса, казавшагося мнѣ имѣющимъ паковой общій интересъ, что можетъ заслужить вниманіе сего знаменитаго Собранія.

Преподаваніе Философіи полезно ли для успѣховъ просвѣщенія вообще, и какія условія въ особенності дѣлають его совмѣстнымъ съ системою образованія, принятою въ Россіи?

Когда бы мнѣ удалось доказать, что изученіе Философіи не только возможно согласишь съ принятою у насъ системою, но что оно необходимо, если Россія хоть не много хочеть со временемъ выйти изъ ученическаго и возвыситься до умственной независимости, до просвѣщенія испинно народнаго, я, думаю, оказалъ бы значительную услугу этой Наукѣ, несправедливо лишенной уваженія, презрѣнной, и въ то же время обнаружилъ бы благотворные виды Правительсва, учредившаго кафедры Философіи во всѣхъ Заведеніяхъ, назначенныхъ для высшаго универсальнаго обученія.

Что же такое Философія?

Вотъ вопросъ, который всякъ въ правѣ намъ сдѣлать, и который очень часто дѣлають съ насмѣшливымъ тономъ и съ полною надеждою привести насъ въ затрудненіе, представляя разногласіе Философовъ и тысячи разнородныхъ опредѣленій, которые они давали своей Наукѣ. Цѣль и предѣлы этой рѣчи не дозволяють распространяться о причинахъ этихъ разногласій, которые, возникая впрочемъ изъ самой природы Философіи, нисколько

не удивляютъ людей, занимающихся ею; скажемъ только, что хаосъ, представляющійся намъ съ перваго взгляда въ Исторіи Философіи, немедленно проясняется предъ взоромъ опытнымъ и проницательнымъ, который, умѣя оспановиться на томъ, что вообще принадлежитъ всѣмъ истинно-философскимъ ученіямъ, вѣрно не поперяется въ лабиринтъ спранныхъ и противорѣчій, которыми различныя системы какъ бы хотѣли разрушить другъ друга. И это единство, о которомъ говоримъ мы, неоспоримо: оно очевидно основывается на познаниѣ источника, отъ коего произошли всѣ покушенія Философовъ, и на познаниѣ цѣли, къ которой спремиающа ихъ усилія, часто даже безъ ихъ вѣдома.

Поспараемся же привести въ ясность основное начало и цѣль Философіи. Можетъ быть, обнаруженіе истинной связи ея съ природою человѣческою, заставивъ согласиться, что эта Наука — не смотря на свое несовершенство — не пустая мечта, порожденная нашимъ воображеніемъ, и что даже еслибъ она была только пустою мечтою, то и тогда мы не могли бы не заниматься ею.

Человѣкъ, проводя первыя дѣта своего младенческаго въ объятіяхъ Природы, совершенно преданный внушаемымъ ею впечатлѣніямъ, или лучше, составляя съ нею одно и то же существо, при помощи этого близкаго сообщенія, развивается и укрѣпляется въ себѣ врожденныя сѣмена познанія. Вскорѣ возвысаясь надъ чувствомъ, единственно наполнявшимъ первоначальное бытіе его, и образуя

себѣ идею о своемъ Я, отличномъ отъ всего того, что называемъ отъ міромъ, вырывается изъ объёмной эпохи нѣжной мапери, и съ того времени живётъ въ постоянномъ пропивоборствѣ съ нею. Однако эта окружающая его Природа, могущественная и чудесная, не престаётъ дѣйствовать на него, вызывая и упражняя всѣ способности, сокрытыя въ существѣ его. Онъ не довольствуется уже отраженіемъ въ себѣ многоразличныхъ образовъ, представляющихся уму его, но связываетъ, соображаетъ ихъ по правиламъ, въ коихъ самъ себѣ не можетъ дать отчета. Наконецъ уступая инстинктивному и неодолимому побужденію, онъ всему имъ открываемому приписываетъ причины и съ жаромъ принимается ихъ опыскивать. Ему удастся открыть нѣкоторыя изъ нихъ; но замѣнивъ вскорѣ, что эти самыя причины имѣютъ бытіе только отъносительное, зависящее отъ многихъ другихъ бытій, онъ видитъ себя принужденнымъ начать неокончаемое дѣло, переходя отъ одного бытія къ другому и не находя въ этомъ послѣднемъ твердой опоры, на которую бы могъ положиться умъ его.

Тогда-то озаряющій насъ лучъ божественнаго свѣта, обыкновенно называемый Разумомъ, съ быстротою молніи раздираетъ мрачныя облака чувствъ, доселѣ его обвивавшія, и испровергая преграды, какъ бы пропивоопоставленныя ему закономъ виновности (causalité), воспрещающимъ духу останавливаться на какомъ-либо кольцѣ въ безконечной цѣпи существъ, провозглашаетъ торжественно бытіе существа безусловнаго, живущаго необходимо само собою и вѣч-

нато. Но гдѣ же это безусловное существо, коего бытія разумъ не можетъ опровергнуть, не опротивившись опять самому себя, и не отказавшись опять истинны? . . . Эта Природа, столь прелестная, столь величественная, разспилающая передъ моими изумленными чувствами безчисленные чудеса свои, — Природа, которая безпрестанно спаряется, всегда юнѣетъ, нисколько не теряя силъ своихъ, не ужели эта Природа — существо безусловное, которое, скрывая въ недрахъ своихъ силы неисчерпаемыя, идеетъ вѣчнымъ кругомъ, безначальнымъ и безконечнымъ; а я, на котораго она имѣетъ права неоспоримыя, я — только одна изъ слабыхъ и преходящихъ тварей, вышедшихъ изъ рукъ ея, подобная блышкѣ въ полѣ, которая зарождается, расцвѣтаетъ и погибаетъ, не оставивъ никакого слѣда отъ своего существованія? . .

Нѣтъ! я чувствую въ себѣ нѣчто пропивающее-ся этой мысли. Какъ, не ужели это Я, котораго я не открываю ни однимъ изъ чувствъ своихъ, и которое однако напоминаетъ мнѣ о своемъ существованіи безпрерывною дѣятельностію; это Я, которое мыслитъ и силою своей мысли можетъ постигнуть и поработить Природу; это Я, которое желаетъ и котораго воля, по свидѣтельству моего сознанія, не можетъ быть поколеблена никакою силою видимаго міра; это Я разумное и свободное, однимъ словомъ — мой духъ, если произведеніе бездѣйственной матеріи, повинующейся неодолимому побужденію движенія, которое было сообщено ему? неужели смерть можетъ быть источникомъ жизни? Отвергнемъ этотъ порядокъ ве-

щей, который приводитъ къ явнымъ недѣлоспамъ. Духъ, совокупность разумѣнія и свободы — вопль чпо соспавляетъ существо безусловное, начало, изъ коего все происпекаетъ. Но какой духъ? Неужели мой или человека подобнаго мнѣ? Собрание существъ безусловныхъ не будетъ ли другою недѣлосптію, споль же очевидною, какъ и предшесспвующая? И если эпошь мѣръ, который внѣ меня, еспь порождение моей мысли, чиспная фантасматорія, рождающаяся и погибающая вмѣспѣ съ нею, то откуда же происходиптъ эпа неоспоримая очевидность, заспавляющая меня приписывать дѣйсспвительность предметамъ чувспственныхъ ощущеній моихъ, и опвергать ее въ образахъ, порождаемыхъ моею фантасіею? Если мѣръ — мое произведение, то отъ чего же величесппвенный ходъ его посмѣвается надъ моею волею, бессильною остановиптъ его или сдѣлашь въ немъ малѣйшее измѣненіе? Нѣспѣ, духъ человѣческой не могъ ни создать вещесппвеннаго мѣра, ни самъ бышь созданъ имъ. Но между нѣспѣ какое согласіе, какая чудесная гармонія царспвуесть между ими! Чѣмъ болѣе я поспитаю и пошь и другой, нѣспѣ болѣе и болѣе распетъ мое удивленіе. Эпа независимость и вмѣспѣ эпа гармонія двухъ мѣровъ, вещесппвеннаго и духовнаго, не возвѣщаютъ ли мнѣ неопровержимымъ образомъ, чпо безусловное существо, котораго разумъ мой ищеть безпреспанно, подъ опасеніемъ потерять всю свою собспвенную дѣйсспвительность, сптотптъ превыше матеріи и духа, служащихъ ему пошько проявленіемъ, и чпо оно, недоступное въ своемъ вѣчномъ величій, непоняпное для слабаго пворенія, соблаговолило бышь

предметомъ не науки нашей, но нашей смиренной и чистосердечной вѣры? Разумъ успокоивается опъ высокаго полета своего; онъ нашель себѣ опору: еспь Богъ превъше насъ! И человекъ повергаешя ницъ, поклоняясь Ему.

Вопть, въ немногихъ словахъ, происхождение Философіи, которой начало творящее — Разумъ, цѣль конечная — Безусловное.

Согласенъ, что человекъ съ умомъ необразованнымъ можеть и не подниматься до высоты эшой мысли; но невозможно, кажеться, чшобы опть, кому хопть разъ предспавлялась она, снова не возвратилась къ ней, даже нѣсколько разъ извѣдавъ слабоспъ силъ своихъ, когда надобно было уловяпть, понимапть ее. Только цѣною разума можно похипипть у людей Философію, ибо она — развитіе разума.

Однакожь, еспибъ Философія соспоала исключительно въ эшомъ смѣломъ и величеспвенномъ полетѣ, посредствомъ котораго разумъ, на крыльяхъ священнаго воспорга, парилъ надъ преходящимъ міромъ и воспекаешъ въ обласпъ Вѣры, къ Сущеспву неизмѣняемому и вѣчному — испочнику всякой жизни, очевидно опгда совпала бы она съ Религіею и не имѣла бы права счипапться опдѣльною Наукою, удобною для преподаванія и изученія: ибо, чшобъ перѣдать ее другимъ, достаточпо было бы какимъ нибудь образомъ зародилъ въ душѣ ихъ пакой же воспоргъ, какой и насъ одушевляешъ. Опличительный характеръ Философскаго духа соспоитъ не въ томъ, чшобъ съ быспропю молніи пролеташъ неизмѣримыя проспранспва, опдѣляющія Творца отъ творенія, подобно религіозно-

му чувству, которое совершенно счастливо только тѣмъ, что погружается въ неизсякаемый источникъ безконечной благости; но въ томъ, чтобы спокойнымъ размышленіемъ упишась, укротить движеніе, сообщенное ему идеєю Безусловнаго. Я хочу сказать, что Философъ, поднимаясь съ одного ступа на другой, непрестанно опдаеть себѣ опчетъ во всемъ имъ утверждаемомъ, и идеаль его соспоитъ въ томъ, чтобы, при помощи познаній разумнія, построить систему истины, сколь возможно тѣсно связанныхъ между собою, всеобщихъ, необходимыхъ, и потому неподверженныхъ никакому сомнѣнію, построить, однимъ словомъ, Науку, которая бы, совмѣщая въ себѣ начала всѣхъ отдѣльныхъ Наукъ, обнимала такимъ образомъ всю вселенную и представляла намъ рѣшеніе загадочнаго ея существованія. И такъ важнѣйшіе вопросы, которые, по неизмѣримому вліянію, производимому разрѣшеніемъ ихъ на судьбу человѣческаго рода, занимають его безконечно болѣе, чѣмъ всѣ прочіе, — вопросы: о бытіи Бога и объ отношеніи Его къ міру, о природѣ души нашей, о свободѣ ея и безсмертіи, о законахъ, коими должны управляться дѣйствія человѣческія, о сущности вещества и отношеніи его къ духу, о достоверности въ человѣческихъ познаніяхъ, и другіе не менѣе важные, были всегда исключительнымъ предметомъ Философіи.

Существенная выгода истины, въ самомъ положительномъ значеніи слова, породила Философію; эта же выгода, живая и дѣйствительная, съ коею тѣсно связано все, что только имѣеть человѣчество драгоценнѣйшаго, обезпечиваетъ ей навсегда

уваженіе умовъ высшихъ, что бы ни говорили шѣ, копорые, замѣчая въ каждой Наукѣ только одну прямую пользу, какую можно извлечь изъ нея, не сомнѣваются однакожь, что кромѣ этой пользы, можеть бытъ и еще кое-что, заставляющее насъ любить и изучать Науку для нея самой. Эти люди съ ограниченнымъ зрѣніемъ, уважающіе каждый предметъ по приносимой имъ матеріальной пользѣ, рѣшишельно опинимающіе у человѣческой жизни все, что только представляетъ она великаго, прекраснаго, высокаго, и дѣлающіе изъ человѣка, лучшаго существа въ пвореніи, жалкое рабочее животное, — эти, если могу шакъ назвать ихъ, *Утилитарии* безпресланно лишаютъ довѣрія Философію, копорую почитаютъ занятіемъ пустымъ и бесплоднымъ, и говорятъ, что Исторія Философін естъ исторія причудъ и шалостей человѣческаго духа, упиврждаясь на шомъ пошломъ изрѣченіи, что нѣтъ шакон нелѣпости, копорой бы не поддерживалъ какой нибудь Философъ. Но пусть вспомнятъ они, что подлѣ эшихъ нелѣпостей естъ опкрытія обильнѣйшія, истины прекраснѣйшія, возвышеннѣйшія, и что, слѣдшвенно, не на Философію должно жаловаться, а на жалкую участь рода человѣческаго, для копората отъ высокаго до смѣшнаго — одинъ только шагъ.

Охотно соглашаемся въ несовершенствѣ Философін и безсиліи ея — разрѣшилъ удовлетворительнымъ образомъ всѣ великіе вопросы, принадлежащіе къ ея области. Но между шѣмъ двадцать чешыре вѣка размышленій, изслѣдованій, и покушеній, произведенныхъ умами глубокомысленнѣй-

шими, не могли быть совершенно бесплодны для этой Науки. И даже, если бы результатомъ всѣхъ этихъ усилій было одно только питаемое теперь нами убѣжденіе, что не возможно утвердить Философію, какъ Науку, на такихъ обширныхъ основаніяхъ, какія бы желательно было дать ей, то должно будетъ признаться, что самое это просвѣщенное невѣжество, почерпнутое на глубинѣ изученія Философіи, есть не совсѣмъ слабое вознагражденіе трудовъ, для нея подъятыхъ. Но участь этой Науки вовсе не такъ безнадежна, какъ хотѣли увѣрить насъ нѣкоторые. Психологическая метода, введенная Декартомъ, дала ей колебимую почву опоры, основаніе, коего прочностъ неоспорима, ибо если разсмапривать эту методу во всѣхъ подробностяхъ, выйдетъ, что она служитъ опорой всѣмъ прочимъ Наукамъ. Если строгая и глубокая Кристика, коею обезсмертилъ себя Кёнигсбергскій Философъ, умѣрила превеличанные претребованія Метафизиковъ; если проведена была демаркаціонная линія между Философією, какъ Наукою, и Философією, какъ исполкованіемъ трансцендентальныхъ идей Вѣры; если прежняя область Философовъ уже значительно сжалась въ своихъ границахъ: то собственно Философія не спралада отъ этихъ перевороповъ; напротивъ, она болѣе утверждалась въ своихъ законныхъ владѣніяхъ; и изслѣдованіе человеческого Я — оси, на коей вращается Новѣйшая Философія, сообщивъ ей характеръ субъективности, привело въ большую ясностъ права, на основаніи коихъ она должна быть почитаема царицею Наукъ,

основною Наукою. Съ другой стороны, назначеніе предѣловъ, коими ограничивается кругъ дѣйствій нашего ума — предметъ, коимъ Крѣпическая Школа занималась глубже и съ бѣльшимъ успѣхомъ, чѣмъ всѣ Школы, ей предшествовавшія, должно внушить Философіи искреннее и просвѣщенное смиреніе, не только примиряющее ее съ Христіанскою Вѣрою, опъ копорой она по гордоспи опдѣлилась—было, но дающее ей лестную возможность содѣйствовать возвышенію поржеспва Божеспвеннаго Опкровенія.

Все сказанное нами о важности Философіи для Наукъ вообще и слѣдовательно для успѣховъ умспвеннаго образованія, могло бы быть развито гораздо болѣе, если бы предѣлы этой рѣчи дозволяли обозрѣть постепенно всѣ различныя Науки, соспавляющія существенныя ея частни. Опспановимся только на одной изъ наименѣе уважаемыхъ и наименѣе изучаемыхъ въ Россіи, на Психологіи, и покажемъ пѣсную связь ея съ другими Науками, равно какъ и вліаніе, производимое ею на жизнь практическую.

Эмпирическая Психологія еспъ Физика духа; п. е. собственно пакъ называемая Физика наблюдаетъ, описываетъ, классификуетъ явленія силъ маперіальныхъ: Психологія имѣетъ предметомъ собрать явленія, коими обнаруживается духъ, сравнитъ ихъ между собою, расположитъ по классамъ сообразно еродспву ихъ и опыскать законы, коимъ подчинены силы, ихъ производящія, чпобы сдѣлать имъ удовлетворительное объясненіе. Казалось бы, чпю Наука, спремѣющаяся разоблачить паниспвенную природу нашихъ душевныхъ способностей, из-

слѣдующая законы нашей дѣятельности, и выводящая изъ нихъ правила, по коимъ эти способности могутъ быть доведены до высшей степени образованія и совершенства, должна служить исходнымъ пунктомъ и основаніемъ всѣхъ нашихъ трудовъ ученыхъ: ибо изъ духа, какъ изъ общаго Фокуса, берутъ начало всѣ Науки и Искусства — произведенія большей или меньшей энергии его, результаты болѣе или менѣе правильной его дѣятельности. Если это справедливо, и если наши умственные способности — дѣйствительно орудія, кои употребляемъ мы для построения ученыхъ Системъ, то какъ же можемъ надѣяться сдѣлать наилучшее употребленіе изъ этихъ орудій, когда знаемъ дѣйствія ихъ только по нѣкоторымъ поверхностнымъ опытамъ, а внутренній ихъ организмъ, равно какъ и условія, коимъ подчинены ихъ образованіе и совершеннѣйшая дѣйственность (*efficacité*) пребываютъ для насъ тайною неразгаданною? Ученый можетъ ли надѣяться непреложнаго успѣха въ трудахъ своихъ, когда не знаетъ даже средствъ, находящихся въ его распоряженіи? Не принужденъ ли онъ будетъ часно тратить понапрасну время и тяжкій свой трудъ, упорно стремясь осуществити невозможное? Не чаще ли еще будетъ онъ вовсе лишецъ возможной цѣли, чѣмъ увидѣть ложность пути своего? Дѣйствительно, безчисленные заблужденія, коими наполнены преимущественно Науки умозрительныя, гдѣ по недоспадку опыта, сіи заблужденія не могутъ быть ни поддержаны, ни опровергнуты этимъ судією неумолимымъ, ясно доказываютъ необходи-

мость, чувствуемую всякимъ образованнымъ человекомъ, приобрести точныя свѣдѣнія о духѣ, дѣятельности его способностей, отношеніяхъ, связывающихъ ихъ между собою, о кругѣ, который Природа назначила каждой изъ нихъ, и о законахъ, долженствующихъ управлять движеніями этого чудеснаго, высшаго организма.

И не одними только Школами и прудами Ученаго ограничивается польза изученія Психологіи: важность приложенія ея къ практикѣ точно такъ же велика, и, можетъ быть, еще болѣе ошущительна. Посмотрите только на близкое отношеніе, коимъ соединяется съ Психологіею занятіе наставника юношества, это ни съ чѣмъ несравненное искусство относительно неизмѣримаго вліянія, производимаго имъ на благосостояніе гражданъ и благоденствіе Царствъ. Неоспоримо, безпечность наставника, слабость его, безразсудство и вообще недоспапокъ въ пвердоспи и энергіи производятъ гибельныя дѣйствія на умъ и нравы юноши, вѣрениаго его попеченіямъ, и часно разрушаютъ самыя лестныя, самыя основательныя надежды родителей. Тутъ, по моему мнѣнію, скрывается важнѣйшій недоспапокъ, которому (хотя оцъ и очень мало примѣпень) должны мы приписать великое множество незрѣлыхъ воспитаній: это — недоспапокъ познаній, нужныхъ, чтобъ двинуць воспитанника впередъ собственными его силами. Странно, всѣ убѣждены въ томъ, что мы не иначе можемъ побѣдить вещественную природу, какъ только *соображаясь съ ея законами* и *противополагая одну ея силу другой*; но лишь только дѣло коснется

до человѣка — всё хотѣя управлять имъ и гнуть его по своему, нисколько не стараясь узнать законы, коимъ существо его естественно повинуется. Уже не сомнѣваются ли въ томъ, что умственные и нравственные силы человѣка имѣютъ имъ только однимъ свойственные склонности и способъ дѣйствованія, которыми естественно слѣдуютъ въ своемъ развитіи? Но идея какой-бы то ни было силы, безъ закона правящаго, разрушается сама-собою, даже не могла бы зародиться?

Если же, съ одной стороны, воспитаніе положительно стремится развитъ, образоватъ, посредствомъ искусныхъ и сообразныхъ съ природою упражненій, всѣ способности, коихъ сѣмена дремлютъ еще въ воспитанникѣ, и доведетъ ихъ до высшей степени силы и совершенства; если, съ другой стороны, оно имѣетъ цѣлю противостоятъ неумѣренному перевѣсу, который чувствительность, по быстрому своему развитію, не замедлитъ взять надъ разумомъ, до такой степени, что можетъ задушить его въ самомъ зародышѣ, когда развитіе это не будетъ спѣшено и содержимо въ надлежащихъ границахъ властною грозною; если такое воспитаніе имѣетъ предметомъ: предохранитъ умъ воспитанника отъ господствующихъ заблужденій и предразсудковъ вѣка, которые, вкоренившись съ южнаго возраста, весьма часто противятся усиліямъ цѣлой жизни, тщательнаго наблюдать за совокупнымъ дѣйствіемъ идей и привычекъ, во власти коихъ находится дитя до тѣхъ поръ, пока размышленіе не пробудится въ немъ собственною силою, наконецъ овладѣетъ его умомъ и сердцемъ въ минуточку

перваго ихъ развитія, чтобы вдохнуть въ нихъ навсегда любовь къ истинѣ, благу и изящному; если такава, говорю я, цель воспитанія, то спрашиваю: кто способенъ начертать намъ опчепливый и основанный на общихъ законахъ природы человѣческой планъ его, и каковъ въ то же время долженъ быть наставникъ, который бы могъ привести его въ исполненіе, съ разными измѣненіями, пребуемыми индивидуальностію? Конечно, это, по преимуществу будетъ шопъ, кто, особенно занимаясь изученіемъ природы человѣческой, далѣе проникъ въ таинственныя глубины духовнаго организма, кто въ точности узналъ періоды ея постепеннаго развитія, и умѣетъ употреблять приличійшія средства, чтобы дѣйствовать въ одно время на умъ, воображеніе и сердце воспитанника; это будетъ, однимъ словомъ, Психологъ.

Еслибъ и послѣ этого изученіе Психологіи нуждалось въ похвалѣ, я могъ бы прибавить, что затруднительное познаніе людей и искусиво удачно дѣйствовать на ихъ волю — эти два дарованія совершенно практическія и необходимыя преимущественно законодателью, Государственному сановнику и всякому находящемуся въ высшей сферѣ общесства, утверждающіяся равномерно на теоретическомъ основаніи Психологіи. Скажу болѣе, Психологія доставляетъ намъ ключъ, необходимый къ уразумѣнію Исторіи, которая безъ нея была бы только безпорядочною грудю событій и разрушеній; познаніе ея не доставляло бы никакого удовольствія и было бы совершенно бесполезно, еслибъ она въ то же время не имѣла предметомъ

могучихъ рычаговъ, которые держатъ въ поспорянномъ жизненномъ движеніи лица и народы. Присовокупите къ этому, что практической Моралистъ и Орапоръ обязаны Психологіи важною пайною плѣнять умы и увлекають ихъ волшебною силою тогда даже, когда доводы ихъ не основаны на очевидности; что Психологія удерживаетъ жаръ Поэта, Живописца и всякаго Художника въ границахъ естественнаго, истинно-прекраснаго и претпистивуетъ ему блуждать въ спиранномъ и чудовищномъ; что помѣшательство умственное и множество болѣзней плѣсныхъ, по плѣсной связи души съ плѣломъ, не могутъ быть исцѣляемы иначе, какъ только психическимъ способомъ....

Но къ чему распространяться о предметахъ, которые при малѣйшемъ размысленіи сами являються уму нашему? И такъ позволите мнѣ, Мм. Гг., ограничиться здѣсь указаніемъ только на одно обстоятельство, казавшееся мнѣ прекраснѣйшимъ и благороднѣйшимъ плодомъ изученія Психологіи.

Если вся жизнь наша обязана своею высокою важностию и истиннымъ достоинствомъ дальнѣйшему своему назначенію, состоящему въ томъ, чтобы приготовить насъ къ жизни будущей, вѣчной, то надобно, чтобы и Наука принимала характеръ болѣе важный, болѣе благородный по мѣрѣ того, какъ возвышаетъ насъ надъ бренными вещами этого міра, направляетъ духъ къ тому, что неизмѣнимо, исполняетъ сердце удивленіемъ, любовью и благоговѣніемъ къ Существу Высочайшему и зарождаетъ въ насъ сладостное убѣжденіе, что

Всесильный Опець, Который въ то же время сама Мудрость и Благость, бдитъ надъ судьбами нашими. Безспорно, высокое дѣло: созерцать вмѣстѣ съ Астрономомъ безконечныя пространства сферъ небесныхъ, быстрымъ лепномъ пролепая неизмѣримыя разстоянія, отдѣляющія одно свѣтило отъ другого и наконецъ погружая въ усламый и изумленный взоръ въ энопъ океанъ свѣта, гдѣ каждая капля — солнце; но для Божества нѣтъ ничего ни великаго, ни малаго, ибо мѣра его — безконечное: малѣйшее насѣкомое, едва примѣтное вооруженному глазу — шочно такой же гимнъ Его могуществу и мудрости, какъ и эти безчисленные міры, изъ коихъ состоить вселенная! Однакожъ, не долженъ ли я убѣдиться, что духъ мой во сто разъ удивительнѣе всѣхъ этихъ чудесъ? Не довольно ли ему слабаго луча дрожащаго свѣта отдаленнѣйшихъ звѣздъ, чтобъ опредѣлить разстояніе ихъ и навсегда ограничить ихъ движеніе орбитами поспоянными и неизмѣняемыми? Не онъ ли въ самомъ себѣ открылъ удивительную тайну давая большее проптяженіе прострой каплѣ воды, чтобы доставить намъ возможность наблюдать въ ней цѣлый міръ различныхъ тварей? Поиспите, если всѣ Науки возвыщаютъ славу Божию, то Наука, имѣющая предметомъ изученіе человѣка, должна далеко превосходить всѣ прочія, ибо человѣкъ именно есть вѣнецъ творенія: въ немъ исключительно Богъ проявляетъ намъ свою мудрость, могущество, святость и любовь: Слѣдовательно, если хотимъ постигнуть смыслъ этихъ простыхъ, но важныхъ словъ Св. Писанія, что «чело-

вѣкъ созданъ по образу Божию», то обратитѣ взоры на самихъ себя, проникните въ глубину души вашей, слѣдуйте по слѣзѣ вѣчныхъ судебъ, которую вы тамъ непременно откроете, и священное уваженіе къ достоинству человѣческому, и въ себѣ самихъ и въ ближнихъ, будетъ спасительнымъ плодомъ вашихъ изслѣдованій.

Преимущество, данное мною Психологіи надъ другими частями Философіи, не доказываетъ еще, чтобъ я признавалъ эту Науку единственно плодотворною, а прочія почиталъ за безплодныя, занимающіяся только пустыми тонкостями, которыя не имѣютъ никакого существеннаго достоинства и не могутъ никакимъ образомъ быть применены къ человѣческой жизни. Высокая цѣна, которую всѣ отличнѣйшіе мыслители давали изученію Логикѣ, Математики и Эпикѣ, и похвалы, коими столько умовъ, далеко превосходящихъ мой, почили эти Науки, мнѣ кажутся, сколько уже извѣстны, что не считаю нужнымъ повторять ихъ здѣсь; равномерно уваженіе, сколько вѣковъ имъ по нынѣ воздаваемое, смѣю сказать, даже энтузіазмъ, и доселѣ ими внушаемый, есть лучшее свидѣтельство ихъ важности въ дѣлѣ успѣховъ просвѣщенія, свидѣтельство, къ которому слабое мнѣніе мое ничего не прибавитъ. Вотъ почему я и рѣшился высказать только одну изъ наименѣ блестящихъ и не столько превозносимыхъ сторонъ философическаго ученія; ибо и одной ея довольно, мнѣ будетъ для доказательства противникамъ Философіи, что они присвояютъ себѣ власть судей въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ не имѣютъ никакого права разбирательства.

Геній, въ высшей степени практической, котораго конечно не лзя обвинять въ приспраспїи къ понкоспїямъ схоластическимъ, знаменитый Преобразователь Россїи, не почиталъ Философскихъ Наукъ излишними для народа, желающаго утвердить національное просвѣщеніе свое на прочныхъ основанїяхъ. Съ живѣйшимъ удовольствїемъ читаемъ мы на первой страницѣ газеты, напечатанной по повелѣнію и подъ покровительствомъ великаго Монарха, слѣдующія спроки :

« Повелѣнемъ ЕГО Величества Московскіе Школы умножаются, и 45 человекъ слушаютъ Философію, и уже Дїалектику окончили » (*).

Вошь первая умспвенная побѣда надъ невѣжествомъ, которую эпошь спрашный неприятель мрака возвѣспилъ своему народу съ такою же благородною проснопюю, съ какой говаривалъ о блистательнѣйшихъ успѣхахъ своего оружія.

И такъ Философія съ самаго начала включена была въ число Наукъ, долженствовавшихъ разлпшь волны благопворнаго свѣта на возрожденную Россїю, и до сихъ поръ пользуется въ ней споль же великодушнымъ покровительствомъ, какъ и прочія Науки. Какъ же мы должны удивляться, видя, что по прошеспвіи 130 лѣтъ, почтенный Писатель, коего слова ни съ которой стороны не могутъ возбуждать никакого подозрѣнїя, такъ выражаетъ сожалѣніе свое о пренебреженїи у насъ занятія Философіею: « Слабо изученіе Философіи въ нашемъ Опечеспвѣ; самоспоятельныхъ произ-

(*). См. 1 кн. Журнала Минсперства Народн. Просвѣщенїа, 1854.

веденій по сей опрасли умственныхъ изысканій почти и вовсе не видно (*)» — и далье:» о Философїи мы знаемъ полько по слухамъ или опголоскамъ чужеземнымъ» (**). Какимъ же причинамъ должно приписать это позднее развитіе Философїи и неуваженіе къ ней въ Россїи, тогда какъ всѣ другія Науки пользуются въ ней самымъ лестнымъ уваженіемъ?

Одна изъ очевиднѣйшихъ причинъ находится въ самой природѣ Философїи, копорая, для успѣшнѣйшаго изученія пребуя ума зрѣлаго и предварибельныхъ свѣдѣній глубокихъ и основательныхъ, должна быль почитаема вѣнцемъ всѣхъ прочихъ знаній и опраслю обученія, предоспавленною исключительно Университетскимъ курсамъ. А какъ частное воспитаніе имѣло совершенно въ своей власти цвѣтъ Русскаго юношества, копорое, неперѣливо желая скорѣе пуспиться на поприще общеспвеннаго служенія, обыкновенно оспавляло кровь опеческій въ возрастѣ, едва ли доспапочно зрѣломъ для важныхъ Философскихъ изслѣдованій: по легко видѣль можно, что Философїя навсегда оспавалась книгою закрыною для большей части молодыхъ людей: ибо весьма рѣдко случается, чтобы человекъ, возмужавъ, и будучи поглощенъ дѣятельною жизнію, посвящаль досуги свои Наукѣ, къ копорой не получили съ дѣтства никакой привязанности, и

(*) Введеніе въ Науку Философїи, соч. Свѣц. Сидорскаго, 1855. Предисловіе.

(**) Тамъ же, стр. 514.

коей ни элементы, ни метода, ни цѣль ему неизвѣстны.

И такъ преподаваніе Философіи оставалось заключеннымъ почти только въ однѣхъ Духовныхъ Семинаріяхъ до славнаго царствованія Императора Александра, который, основавъ пять новыхъ Университетовъ, воздвигъ симъ благодареніемъ другой памятникъ, дѣлающій имя его безсмертнымъ не только въ сердцѣ признательнаго папріота, но и во всемъ образованномъ мірѣ. Съ этого уже времени изученіе Философіи непрерывно преуспѣваетъ, и можно надѣяться, что мудрыя мѣры, принятыя Правительствомъ, и имѣющія цѣлю заставить юношество, предназначенное къ общественной службѣ, посѣщать Университетскіе курсы, чтобы ими приводить въ зрѣлость умственные способности и дополнять свое образованіе, обращать равномѣрно и на Философію вниманіе, которое она заслуживаетъ по столькимъ правамъ, и уваженіе, въ которомъ до сихъ поръ отпадало ей общественное мнѣніе, не знавшее всей ея важности.

Умолчу о другихъ причинахъ, замедлившихъ успѣхи Философіи въ Россіи, и укажу только на одну, которая показала мнѣ важнѣе прочихъ, и изъясненіе которой подаетъ мнѣ случай высказать свое числосердечное мнѣніе объ условіяхъ, могущихъ сдѣлать преподаваніе Философіи совмѣстнымъ съ нашею системою образованія и даже съ нашимъ бытомъ общественнымъ.— Всякому изъ насъ извѣстно, что безсмысленная суебность XVIII вѣка дерзко осмѣливалась ввести во всеобщее довѣріе, подъ священнымъ именемъ Философіи, такія начала, ко-

спорыя Философія не признавала и никогда не признаетъ своими. Дѣйствительно, если ученія, поспавляющія челоѡѡку въ обязанность считатьъ баснею Хрисціанское Откровеніе, забавляясь Религіею до того, чптобъ оприцають бытіе Божіе, называютъ мечпою безсмертіе души, уничтожаютъ всякое различіе между добродѣтелию и порокомъ, приписывая всю дѣятельность челоѡѡческую эгоизму, разрываютъ связи общеспвенныя, попирая ногами власть Божескую и челоѡѡческую; если, говорю, такія ученія и правила могли называться Философскими, надобно, чптобъ мудрость превратилась въ безумство, или чптобъ она была ужаснѣйшимъ чудовищемъ, которое адскія силы извергнули на землю для испребленія рода челоѡѡческаго. Однакожь эти разрушительныя ученія, проповѣдуемыя подъ именемъ Философіи, но въ самомъ дѣлѣ только опвратительныя порожденія глубокаго нравспвеннаго разврата, заплашили плавшей ихъ матери справедливую дань благодарности: навлекли ужасы самой спрашной революціи, которая когда-либо окровавляла землю. Вопть какимъ образомъ Философія сдѣлалась соучастницею самыхъ плачевныхъ ужасовъ, и голоса, раздававшіеся въ защиту ея, заглушаемы были съ одной стороны мятежемъ спрастей и волненіемъ умовъ, съ другой смяненіемъ, сброшеннымъ въ сердце шѣхъ, для кого Религія, порядокъ общеспвенный и присяга, данная Монарху, были еще дороги и священны. Спрасть къ разрушеніямъ, которую послѣдній вѣкъ завѣщаль нашему, и множество сочиненій, называемыхъ Философскими, коихъ Авторы гордяцца своими хулами на Прави-

пельства, какъ дѣломъ испинно-благороднымъ и героическимъ, обращающъ въ насмѣшку пинспва Божеспвеннаго Опкровенія, думая доказать пѣмъ независимость и силу своего ума, и ниспровергающъ все, что еще не унало, подъ пѣмъ благовиднымъ предлогомъ, что рачисельно трудяпса для успѣховъ рода человѣческаго; — всѣ эти явленія не могутъ успокоить Правипельство на сченъ испиннаго направленія Философіи, которая, поржеспвенно провозглашая свою невивность, не менѣ того вмѣшиваелса во всѣ бунны, колеблющіе Европу, и даже дѣлаелса себя ихъ услужливою зашипницею.

Мудрое Правипельство наше не только не спѣсняло изученія Философіи, которую споль ужасныя злоупотребленія долженспвовали бы сдѣлать ему подозрительною, но всегда предписывало и одобряло его, если оно слѣдовало по пути блатому. Но кто дерзнетъ упрекнуть наше Правипельство пѣмъ, что оно смотритъ за публичнымъ преподаваніемъ Философіи съ большею спрогоспію, чѣмъ другое? Не Философія ли, не выходя изъ предѣловъ своего владычества, приводитъ передъ судилище ума порядокъ общеспвенный и Религію, Законодательство и Полицику, разсуждаелса о правахъ и обязанностяхъ человѣка, разспаприваелса основаніе всякой установленной Власти? Не Философія ли преимущественно передъ прочими Науками должна раздѣлять съ Религіею благородное дѣло приготопвленія роду человѣческому людей честныхъ и добродѣтельныхъ, Хриспіанству — вѣрующихъ просвѣщенныхъ и чистыхъ сердцемъ, гражданъ вѣрныхъ, преданныхъ Монарху и Отечеству?

Нужно ли еще сильнѣйшихъ доказательствъ для убѣжденія, что преподаваніе Философіи, предопределенное спраснямъ и злонамѣренности, перестаетъ уже быть благопворнымъ свѣщильникомъ, коего тихое сіяніе озаряетъ и руководитъ умы, но дѣлается пожарнымъ факеломъ, готовымъ задушить самого себя развалинами и пепломъ вселенной?

И такъ лучше возблагодаримъ Провидѣніе за то, что оно послало насъ подъ опеческую защиту просвѣщеннаго и пвердаго Правительсва, которое, предупреждая распроспраненіе ложныхъ ученій, и подавляя въ зародышѣ преступныя покушенія людей злонамѣренныхъ, сохраняло насъ доселѣ отъ бѣдливій, ппягопьющихъ надъ лучшими спранами Европы! Его опечесельная предусмопсильность не ограничилась даже и этими предвариельными и понудильными мѣрами. Зная, что невѣжесиво есть весьма ненадежная спража пропивъ зла, и что прешерпѣвъ неожиданное нападеніе отъ неприятели, лишенное всякаго оружія къ защитѣ, оно первое уступаетъ ловкому и хипрому обольщенію, Правительсво спарается воздвигнуть пропивъ всѣхъ этихъ разрушительныхъ теорій ограду болѣе прочную, опкрывая просвѣщенному юношесву софиспическія хипроспи, къ коимъ прибѣгаютъ демагоги, чпобъ придашь самой наглой лжи своей наружность испины. Указъ, коимъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО Всемилоспивѣйше повелѣшь соизволилъ, чпобъ излагаемы были въ надлежащемъ свѣпѣ начала Еспеспвеннаго Права, подававшего поводъ къ сполькимъ гибельнѣйшимъ злоупопре-

бленіямъ, будетъ наилучшимъ проповождіемъ для молодыхъ людей, которые, еще не способны сами собою распутывать искусную шкандъ изъ испинъ и заблужденій, представляемую имъ революціонною Липерашурою, и попому легко обманываются пуспыми призраками справедливоспи. Распространеніемъ полько здравой Философіи Правительсво надѣлса разоблачипъ и привеспи въ смущеніе ошврапипельное чудовище, Псевдо-Философію, прежде, чѣмъ успѣетъ она осквернипъ Россію своимъ ядовипымъ дыханіемъ и вонзипъ кровавые когши свои въ нѣдра ея — въ сердце этого блестящаго дарованіями юношесства, на которое опираются надежда и гордость Опечесства.

Думаю, что не нужно теперь показывать основанія, на коихъ должна утверждаться наша система преподаванія Философіи: послѣ сказаннаго мною, думаю, не лзя уже сомнѣваться, чтобы основанія эти не были: священное уваженіе къ Религии, неколебимая вѣрноспъ Монарху • и безусловное повиновеніе существующимъ законамъ.

Счастливымъ, что этимъ преподаваніемъ содѣйствую высокому дѣлу народнаго просвѣщенія, я презираю крики минувшихъ мудрецовъ, которые, безъ сомнѣнія, возразипъ, что я спѣсняю свободный полетъ Философіи, оковывая ее власпію чуждою уму человеческому. Имя, которое приобрѣлъ бы я цѣною моего искренняго убѣжденія, показалось бы мнѣ купленнымъ весьма дорого. Я не признаю пои Философіи, которая осуждена жить въ разрывѣ съ Хрисціанскою Вѣрою; знаю полько одну Философію, заславляющую меня признапъ очевид-

ности той власти, которую дѣйствительно имѣеть надъ нами Христіанская Вѣра; подтверждающую высокія истины Откровенія, и внушающую мнѣ смиренное воздержаніе не опровергать ся догматовъ подъ иѣмъ предлогомъ, что они не подходятъ подъ мѣрку слабого моего разумія. Я не знаю также Философіи, которая бы призвана была повѣрять и разбирать дѣйствія Правительсва, раздражать и возмущать умы, возбуждать звѣрскую спрасъ къ разрушеніямъ; но знаю только одну Философію, коей существенный характеръ — умѣренность, и которая, шествуя законнымъ путемъ познаній, старается улучшить общественное устройство подъ покровомъ самого Правительсва.

Таковъ духъ философскаго ученія, преподаваемого въ Университетѣ нашемъ. Да возмужеетъ пылкое къ образованію юношество, припекающее въ сіе свѣщилище Наукъ, бытъ проникнуто эшимъ духомъ и завѣщанъ намъ чести, которую мы считаемъ выше всякой другой, чести — что мы образовали не только Ученыхъ, но вмѣстѣ усердныхъ Христіанъ и вѣрныхъ гражданъ, преданныхъ своему Монарху.

